

На родной

ЭТО было в конце лета прошлого года. Возвратившийся из Парижа писатель Лев Никулин, делаясь своими впечатлениями о поездке во Францию, рассказал нам о своей встрече с дочерью выдающегося русского писателя Александра Ивановича Куприна — Ксенией Куприной. В один из первых дней пребывания в Париже он позвонил ей, сказав, что хочет ее видеть. В ответ Ксения Александровна сказала:

— Немедленно приезжайте. Я вас жду. Мой адрес очень прост. Метро «Сталинград», улица Акведук.

В небольшой, скромной квартире Куприной Лев Никулин провел несколько часов. Ксения Александровна много говорила о своем отце, показывала его рукописи, письма. Никулин затем еще несколько раз встречался с Куприной, и, прощаясь, они пожелали друг другу новых встреч. Какой далекой казалась ей тогда минута, когда она, наконец, ступит на землю своей Родины.

И вот вчера мы встретились с Ксенией Александровной Куприной в номере московской гостиницы.

— Вы себе не представляете, что такое первый день в Москве! У меня еще кружится голова от этой незабываемой теплой встречи, от цветов, внимания, ласки, от бесконечного количества впечатлений и поздравлений.

Естественно, что наша беседа сразу же начинается с воспоминаний об отце. Александр Иванович называл свою дочь Аксиньей. Детские годы ее прошли в Гатчине,

под Ленинградом. В 1919 году она уехала с отцом и матерью за границу. Год жили в Финляндии, а все остальные годы Ксения Александровна провела в Париже.

Перед своим отъездом в Москву Куприна передала Союзу советских писателей ценнейший литературный архив своего отца. Здесь, например, рукопись наиболее значительного произведения, написанного

земле

Куприным в эмиграции, — романа «Юнкера». Ксения Александровна рассказывает о том, что в архиве отца среди прочих рукописей хранятся сценарий фильма, большое количество статей, рассказов, черновых набросков, очерков, воспоминаний о Родине, о русских писателях.

— Архив отца требует, — говорит Ксения Александровна, — большой исследовательской работы. Надо сказать, что разобрать его, привести в порядок представит большую трудность. К концу жизни у Александра Ивановича сильно изменился почерк. Вообще в эмиграции отец писал с большим трудом, каждая новая вещь давалась ему очень тяжело, он мучительно сидел над ней, по несколько раз переписывал, готов был разорвать рукопись, но приходилось работать — нужда заставляла. Зная об этом, издатели его нещадно эксплуатировали, платили за рассказы очень мало. Вы себе не представляете те тяготы и материальную нужду, которые испытывал отец на чужбине.

Нельзя не вспомнить одно из писем, имеющееся в архиве Куприна. В 1929 году Иван Бунин писал

из Приморских Альп жене Куприна Елизавете Маврикиевне:

«...Нынче был у Мережковских... — они в ужасе, что будет пропущен срок ходатайства перед французами насчет продления нам денежной помощи, и кричали на меня, чтобы я немедленно написал Вам и Александру Ивановичу, просил Вас телефонировать в Министерство иностранных дел по этому поводу... Помогите, дорогая, и нам, и себе!».

Ксения Александровна рассказывает нам интересную историю перевода Куприным трагедии Шиллера «Дон Карлос». Долгое время куприноведы считали, что этот перевод никакого отношения к творчеству писателя не имеет. Между тем, на самом деле Александр Иванович, горячо любивший эту пьесу, перевел ее в 1919 году, причем одна из ролей предназначалась для маленькой тогда Аксиньи.

— Вам легко понять, с каким трепетом я мечтала тогда выступать на сцене, — улыбаясь, рассказывает наша собеседница.

— Александр Иванович, — продолжает она, — прожил во Франции почти двадцать лет, но так и не научился хорошо говорить по-французски. Мне кажется, он никогда и не стремился к этому. Всегда, всю жизнь, всеми своими мыслями, всеми помыслами он был в России, со своим народом. Мечта отца, как известно, сбылась. Сбылось, наконец, и мое заветное желание приехать навсегда к себе домой.

— Вы себе не можете представить, что значит жить, имея паспорт, в котором значится, что у тебя нет отечества. Я никогда не забуду тот бесконечно великий для меня день, когда я отдала в парижской префектуре синюю книжку с пометкой «Без родины» и получила визу на право въезда в Советский Союз. Какое это было невыразимое счастье!

В заключение Ксения Александровна рассказывает о себе. В течение многих лет она снималась в различных французских фильмах, пользовавшихся большим успехом. Но всю жизнь ее тянуло в театр, на сцену. После войны ей удалось играть в некоторых спектаклях, ставившихся на русском языке силами эмигрантов. Это были любительские спектакли, в которых участвовали шоферы такси, служащие парижских учреждений. В свободное от работы время они репетировали и изредка играли. Так, например, в «Живом трупе» Ксения Александровна исполняла роль Лизы. Ставился и последний акт «Власти тьмы», где она играла Акулину.

— Я мечтаю о том, — говорит Куприна, — когда смогу выступить на советской сцене, на сцене русского театра, который так горячо любил мой отец.

...Было уже поздний час, когда мы уходили от Ксении Александровны. Она с нетерпением ждала наступления нового дня, чтобы выйти на улицы Москвы и увидеть столицу своей Родины, которую она не видела почти 40 лет.

И. Адов.
В. Шевцов.

НА СНИМКЕ: КСЕНИЯ
АЛЕКСАНДРОВНА КУПРИНА.

Фото М. ОЛЕХОВИЧ.